

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Зайцевой Евгении Сергеевны
«Эволюция римского сенаторского сословия в IV–VI вв.:
просопографический аспект», представленную
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (История Древнего мира и
Средних веков)

Диссертация Е. С. Зайцевой посвящена проблеме трансформации сенаторской знати города Рима в сложную и противоречивую эпоху перехода от Античности к Средневековью. Несмотря на то, что история этой части высшего сословия Римской империи уже неоднократно привлекала внимание представителей научного сообщества, автор ставит перед своим исследованием многие задачи, которые прежде рассматривались лишь походя или же не рассматривались вовсе. В центре внимания молодого ученого оказывается не политическая история сенаторской знати древней столицы империи августов, но социально-экономические процессы, охватившие столичную аристократию на последнем этапе развития римской государственности.

Диссертация строится на активном использовании просопографического метода, который в отечественном антиковедении до сих пор использовался крайне редко. Выбор данной методологии для исследования представляется более чем оправданным – ведь именно просопографический анализ делает возможным написать «коллективный портрет» социальной группы, выявить объективные черты ее развития и эволюции.

Диссертация состоит из Введения, трех глав, посвященных раскрытию проблематики исследования, Заключения, списка источников и литературы, а также просопографического приложения.

Во Введении автор обозначает актуальность исследования, определяет объект, цели и задачи работы, ее хронологические рамки, приводит обзор исследовательской литературы и источников.

Обзор источников достаточно репрезентативен и дает автору возможность решить поставленные в исследовании задачи. Несколько портит впечатление лишь отсутствие упоминаний о сборнике *«Реляций»* – официальных донесений префекта Города Квинта Аврелия Симмаха императорскому двору, содержащем сведения о политической жизни Ветхого Рима, деятельности городской администрации, взаимоотношений столичной аристократии с центральной властью в конце IV столетия. Несомненно, высокой оценки заслуживает проведенный Е. С. Зайцевой анализ исследовательской литературы. Следует признать, что диссидентант проработала значительный объем работ, посвященных римскому сенату и сенаторскому сословию. В целом обзор затрагивает почти все основные труды, в которых, так или иначе,

рассматривался широкий круг проблем истории позднеантичной знати древней столицы империи. Вместе с тем вызывает недоумение отсутствие в обзоре анализа (и даже) упоминания ряда важных работ по данной теме. В их числе вышедшая в 2011 г. монография Ал. Кэмерона «Last Pagans of Rome» – монументальный (хотя и спорный в части своих выводов) труд, в некотором смысле подводящий черту под всеми исследованиями культурной и религиозной жизни позднеантичной сенаторской аристократии Рима предшествующего столетия. Кроме того, автор не рассматривает и не использует в своем исследовании некоторые значимые труды, посвященные биографиям выдающихся представителей столичной знати и сословию в целом, прежде всего работы Дж. МакГиди и К. Согно о Квинте Аврелии Симмахе, монографию Ч. Хедрика о Вирии Никомахе Флавиане. Тем не менее, следует признать, что диссертационное исследование Е. С. Зайцевой включено в контекст современной историографии. Несмотря на сравнительную краткость представленного во **Введении** историографического экскурса, сам текст основной части убеждает в том, что автор хорошо знакома с научной традицией, в том числе англоязычной, французской и немецкой.

Первая глава диссертационного исследования посвящена общей характеристике сенаторской знати Рима и определению границ данной социальной группы. Особой похвалы заслуживает вклад автора в давний спор об ономастических традициях позднеантичной сенаторской аристократии. Как убедительно показала Е. С. Зайцева, сформировавшаяся в сенаторской среде практика имнаречения была относительно стабильной. Этот вывод позволяет ей проследить генеалогию по крайней мере некоторых столичных родов вплоть до периода Принципата.

Во **второй главе** анализируются данные о социальном и географическом происхождении сенаторских фамилий. В целом выводы этой главы справедливы. Автор убедительно доказала, что в период поздней Античности «старая» римская знать не представляла собой закрытой структуры. Напротив, этот социальный слой регулярно обновлялся за счет таких же крупных земельных собственников. Важен также ряд других вопросов, которые сравнительно редко привлекают внимание исследователей, и к которым Е. С. Зайцева обращается во второй главе. А их числе проблема характера аристократического патроната. Автор убедительно показывает, что провинциальные муниципии в период поздней Античности главным образом находились под патронатом «старых» сенаторских фамилий, в то время как *homines novi* предпочитали иметь в качестве клиентов профессиональные и территориальные объединения в границах Рима. Это вполне объяснимо – «старая» римская аристократия традиционно имела влияние в том или ином итальянском регионе и владела там родовыми поместьями. С этим выводом, подтвержденным данными эпиграфики, можно полностью согласиться.

В этой же главе автор обращается к вопросу, вызывавшему давние дискуссии в историографии, а именно насколько в период поздней Античности римская сенаторская аристократия была связана с сословием куриалов. Едва ли можно согласиться с представленной в ней гипотезой о том, что система покровительства отдельных сенаторов провинциальным муниципиям подразумевала вхождение патрона в состав местной курии. Сама Е. С. Зайцева признает, что прямых свидетельств о кооптации представителей столичной знати в ряды муниципальных курий сохранилось совсем немного. В тексте диссертации приводятся всего лишь три надписи, которые, казалось бы, говорят о том, что представители римской аристократии входили в муниципальные советы того или иного города. Вместе с тем, представленная в них информация весьма туманна и едва ли может быть истолкована однозначно. Далее автор приводит некоторые косвенные свидетельства, которые, по ее мнению, показывают, что представители столичной знати кооптировались в *ordo curialis* различных городов империи. Чаще всего это указания на эпиграфические данные, определяющие аристократа как «исконного патрона» или «патрона по происхождению» (*«patronus originalis»* в различных вариациях) того или иного города. С нашей точки зрения вышеозначенные эпиграфические формулы лишь свидетельствуют о том, что несколько поколений аристократической семьи оказывали покровительство той или иной муниципии. Думается, что входить в состав местной курии для этого было совершенно необязательно – достаточно было иметь родовые владения в окрестностях города. Впрочем, как уже было сказано выше, этот вопрос весьма спорен, а оригинальная концепция Е. С. Зайцевой несомненно имеет право на существование.

В третьей главе рассмотрен дискуссионный вопрос о степени вовлеченности сенаторской аристократии Рима в систему государственного управления поздней империи. Дискутируя с устоявшейся в историографии точкой зрения, автор показывает, что сенаторская аристократия была глубоко интегрирована в государственные структуры на всем протяжении IV–VI вв. (за исключением первых десятилетий IV в., когда система домината только формировалась).

Любопытен и весьма оригинален и вывод диссертанта о том, что репрессии против представителей сенаторской знати при Валентиниане I были отчасти спровоцированы самой римской аристократией, использовавшей обвинения в колдовстве для сведения счетов с представителями конкурирующих родов. Вместе с тем, думается, что автор несколько переоценивает значение этих политических процессов при оценке положения сенаторской аристократии Рима в конце IV столетия. Процессы о колдовстве, направленные против членов римской знати, продолжились до самой смерти Валентиниана, однако начиная с 371 г. масштабы репрессий существенно сократились. Более того, после смерти паннонского августа и перехода власти над западом в руки его

старшего сына Грациана даже наблюдается нечто вроде сенаторской реакции.

По результатам анализа данных о римских колдовских процессах императора Валентиниана I диссертант делает вывод о том, что «римские сенаторы... имели достаточно напряженные отношения как с самими правителями, так и с императорскими чиновниками» (с. 235). При этом возникает закономерный вопрос о правомочности оценки отношений между сенаторской аристократией и императорской властью на основании только одного царствования. Думается, что для подобного заключения следовало бы рассмотреть взаимоотношение родовой аристократией Ветхой столицы и центральной властью на более продолжительном отрезке времени. Так или иначе представленные выводы о сущности римских колдовских процессов весьма интересны и несомненно обогащают наше знание о положении столичной знати во второй половине IV в.

В третьем параграфе освещается дипломатическая деятельность сенаторской аристократии Рима, прежде всего ее участие в сношениях с восточным двором в конце V – первой половине VI столетия. К сожалению, в этой части работы почти ничего не было сказано об этом аспекте деятельности столичной знати в IV – начале V в. Вместе с тем, даже в настоящем виде данный раздел диссертационного исследования позволяет автору успешно решить поставленные задачи и продемонстрировать, что сенаторы оставались активными участниками международной политики и продолжали активно отстаивать интересы Рима и шире центральной и южной Италии, то есть тех регионов, которые традиционно входили в сферу их политического и социально-экономического влияния.

Отдавая должное масштабу проделанной работы и выводов Е. С. Зайцевой, представляется необходимым высказать ряд замечаний к диссертации.

Во-первых, сложно согласиться с неоднократно повторявшимся в диссертации тезисом (напр. с. 91, с. 189, сн. 1) о том, что в период кризиса III в. «сословие декурионов» *de facto* прекратило свое существование и было замещено «сословием куриалов». Очевидно, в данном случае диссертант путается в некоторых особенностях социальной структуры поздней империи. В IV–VI столетиях термины «декурион» и «куриал» фактически были синонимами, несмотря на то что формально под декурионами понимались лишь члены *ordo curialis*, непосредственно заседавшие муниципальных советах. Приверженность автора данной концепции, тем более удивляет, что в своей работе она неоднократно цитирует источники, упоминающие о декурионах (см. напр. с. 33; 91–95; 102).

Спорными представляются и заявления диссертанта о натурализации хозяйственных отношений и упадке денежного обращения в период поздней античности (с. 139; 173). Исследования последних десятилетий, прежде всего труды Я. Банаджи, а также ряд новейших археологических открытий привели

к радикальному пересмотру старой концепции «экономического упадка» периода домината. На данный момент в историографии господствует представление об относительной экономической стабильности и даже росте (в IV в. – на территории большей части империи, в V – начале VI в. – в восточных провинциях).

Не вполне ясным остается и отношение автора к проблеме инкорпорации восточной знати в ряды Римской сенаторской аристократии. На с. 77–78 Е. С. Зайцева справедливо утверждает, что введенный при сыновьях Константина принцип разделения сенаторского сословия по географическому принципу время от времени нарушался и даже приводит в качестве примера выходцев из восточных провинций в римской курии семью Опилионов. (Со своей стороны добавим, что к числу «восточных» сенаторов в рядах столичной аристократии, можно также отнести антиохийца Публия Ампелия (см. Amm. XXVIII.4.3) и происходившего из Азии (т. е. Ионии) незадачливого узурпатора Приска Аттала (см. Philost. XII.3). Вместе с тем на с. 104 диссертант уже высказывает прямо противоположную идею, заявляя, что со времен императора Констанция II ряды сенаторской аристократии города Рима пополнялись исключительно за счет западных провинций империи.

Иногда диссертант путается в данных о происхождении тех или иных аристократических родов. В частности, на с. 133 она утверждает, что род Никомахов-Флавианов происходил из Сицилии, а на с. 349 уже говорит о том, что родиной его первого известного представителя был апулийский город Канусий (что, к слову сказать, совершенно справедливо).

Можно спорить и с некоторыми выводами автора относительно принадлежности того или иного сенаторского рода к «старой» или «новой» знати. К примеру, обсуждая все тот же род Никомахов-Флавианов диссертант причисляет эту семью к новым родам (с. 350). При этом анализ данных о карьере Волузия Венуста – первого известного представителя данной фамилии – скорее свидетельствует об обратном. Этот аристократ занимал пост корректора Апулии и Калабрии, затем был консуларом Сицилии, дважды выступал в роли главы сенаторского посольства ко двору императора. Все эти назначения явно укладываются в классические представления о *cursus honorum* староримской знати. Единственным из его назначений, которое несколько выбивается из этого ряда, являлся пост викария Испанского диоцеза, полученный сенатором в 362 г. Однако эту высокую должность он получил *ad hoc* – в качестве знака особого благоволения императора Юлиана. Думается, что единократное занятие аристократом поста, которые чаще всего получали представители новой знати, не может служить достаточно веским доказательство того, что Венуст был недостаточно родовит. Еще одним свидетельством благородности происхождения Никомахов является упоминание Аммианом Марцеллином о «знатности» Венуста: («*clare natos*» – Amm. XXIII.1.4). Как известно, этот солдат и грек очень внимательно относился к происхождению героев своего

повествования и умел отличить истинного аристократа от высокочки и парвеню.

На **с. 319** Веттий Агорий Претекстат назван ординарным консулом 384 г. Это не так. Претекстат был удостоен консулаты 385 г., но не успел дожить до вступления в должность. Таким образом, в лучшем случае его можно было бы называть *consul designatus*.

Неясна причина, по которой автор причисляет Фабия Акония Паулина Филомафия к *gens Vetii* (**с. 319**) – тот факт, что дочь вышла замуж за представителя этого рода, конечно же не может служить доказательством того, что и он сам был его частью.

Иногда автор допускает путаницу, определяя принадлежности того или иного рода к рядам «старой» или «новой» знати. К примеру, Авианий Симмах назван представителем «старого рода» Аврелиев (**с. 308**), а его сыновья и внуки уже причисляются к «новому роду» Боециев-Симмахов (**с. 334–335**).

Кроме того, следует отметить, что ряд мест диссертации недостаточно хорошо вычитан. Стилистические и орфографические погрешности подчас мешают пониманию текста. Так на **с. 296** автор пишет «анализ римской аристократии... показывает, что... до конца своего существования и даже чуть дольше она все еще оставалась античной». Иными словами, автор заявляет, что римская знать сохраняла свой «античный» характер даже после своего исчезновения, что является очевидной бессмыслицей. Впрочем, примеров подобной невнимательности в тексте не много.

Имеются в тексте диссертации и некоторые опечатки. В частности, на **с. 30** автор заявляет, что в двух последних томах Кембриджской истории древнего мира, рассматривается период с 337 по 425 г. н.э. На деле этот хронологический отрезок освещается в предпоследнем XIII томе XIV том, в свою очередь, посвящен истории Средиземноморского региона в период с 425 по 600 г.

На **с. 137** диссидентант пишет, что Цецилианы (Плациды), вошли в сенат в середине III в. «при императоре Адриане», несмотря на то что Публий Элий Траян Адриан правил Римом во втором столетии, а именно с 117 по 138 г.

Несмотря на сделанные выше замечания, диссертация Е. С. Зайцевой в целом производит положительное впечатление. Диссертационная работа Е. С. Зайцевой прошла достойную апробацию. Основные положения и выводы, изложенные в диссертации, докладывались на международных и общероссийских конференциях, в том числе в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Нижнем Новгороде. Основное содержание и выводы диссертации изложены автором в 13 научных публикациях, из которых пять были опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК, а также в автореферате.

По характеру источниковой базы, проблематике и методике исследования представленная работа соответствует специальности 07.00.03 – Всеобщая история. Исследование имеет несомненное научно-теоретическое и прикладное значение. Оно содержит большой фактический материал, обобщения, оценки и выводы, представляющие интерес для специалистов, занимающихся изучением социальной-экономической историей поздней античности. Материалы диссертационной работы могут быть использованы в преподавании курсов истории Древнего мира и Средних веков, истории поздней Римской империи.

Диссертационное исследование Зайцевой Евгении Сергеевны отвечает научно-квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и соответствует п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» в УрФУ, поскольку содержит решение задач, имеющих существенное значение для всеобщей истории, написана автором самостоятельно, содержит новые научные результаты и свидетельствует о личном вкладе докторанта в науку. Таким образом, Зайцева Евгения Сергеевна заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – древний мир.

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник центра интеллектуальной истории
отдела историко-теоретических исследований
ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской Академии Наук»

30.07.2021

Ведешкин Михаил Александрович

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской Академии Наук»
Почтовый адрес: г. Москва, Ленинский пр-т., 32 а, Москва, 119334
E-mail: Balatar@mail.ru
Тел.: 89162024886

зрешкин М.А.
делом кадров
комиссия №1

